

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

УДК 140.8:21

Д. А. Шербаков

ВКЛАД ЕПИСКОПА ПСКОВСКОГО ФЕОФАНА (ПРОКОПОВИЧА) В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о становлении и развитии духовного образования в России в период реформ Петра I. Автор считает, что до начала синодальной церковной реформы в России отсутствовала система духовно-религиозного образования и её становление началось именно в ходе петровской церковной реформы, идейным вдохновителем которой стал епископ Псковский Феофан (Прокопович). Научная новизна исследования видится в определении роли епископа Псковского Феофана (Прокоповича) в создании системы духовно-религиозного образования на основе анализа текста «Духовного регламента» 1721 года как проекта устройства данной системы, автором которого стал епископ Феофан. Поставленная цель достигнута в результате использования метода контент-анализа, который позволил представить «Духовный регламент» как исторический документ. Историко-герменевтический метод дал возможность выявить особенности содержания текста «Духовного регламента» и представить епископа Феофана как защитника идей Просвещения. Основным выводом автора является утверждение о несомненно большом вкладе епископа Феофана Прокоповича в создание целостной системы духовно-религиозного образования в России, что проявилось в инициативе епископа открытия школ при епархиальных архиерейских домах, в составлении для них единой программы учебно-педагогической деятельности, разработке законодательной базы для развития и укоренения российского образования, в также в личном преподавательском и административном служении епископа Феофана.

Ключевые слова: епископ Псковский Феофан (Прокопович), духовное просвещение, Духовный регламент, Церковь, развитие духовного образования в России.

Сведения об авторе: Шербаков Дмитрий Александрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: am720@yandex.ru

Цитирование: Щербаков Д. А. Вклад епископа Псковского Феофана (Прокоповича) в становление и развитие духовного образования в России // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 4 (29). С. 36–48.

Поступила в редакцию 20.10.2023

Принята к публикации 20.12.2023

Религиозное образование священнослужителей в допетровской России носило преимущественно частный, домашний, стихийный и бессистемный характер. Обычно человек обучался грамоте в своей семье или у знакомого учителя – просто грамотного человека, а не педагога в современном смысле этого слова. Усвоение истин православной веры, содержания и порядка церковного богослужения также проходило в домашнем чтении и в храме – в непосредственном участии в богослужении. Заводимые в Москве новые школы были малы и недостаточны, чтобы рассеять мрак невежества народных масс и своей новизной отпугивали консервативно настроенное большинство общества. Как отмечал профессор А. П. Доброклонский, «для громадного большинства оставались школы старого типа, где учили читать и писать. Количество их к концу патриаршего периода увеличилось; но характер их остался прежним. Малые дети обыкновенно учились здесь по славянским богослужебным книгам: Часослову, Псалтири, Апостолу, иногда заучивая наизусть» [3, с. 359]. Это были, по современным меркам, начальные школы, после которых дальнейшее образование и начитанность было делом случая и личного стремления отдельных людей. Богословского образования они не давали. Дававшие начатки грамоты, эти школы не считались начальными именно ввиду отсутствия продолжения образования после их окончания. Русский книжник – начётчик развивал свою память, но не мыслительные способности, он был всецело предан книжному авторитету, но далёк от критического мышления, привязан к букве и обряду и не готов к решению новых сложных задач, которые ставил бурный XVII в., с его церковным расколом, спорами с протестантами и католиками, научной революцией, бунтами, войнами и развитием товарно-денежных отношений.

Единичными религиозными образовательными учреждениями в России XVII в. были не связанные какой-либо организованной преемственностью греко-латинская школа в Чудовом монастыре, заведённая при патриархе Филарете, во главе которой поставлен был известный старец Арсений Глухой [4, с. 335], московская школа в типографском доме, основанная

при царе Феодоре в 1679 г., в которой обучалось «до 30 учеников всякого звания», знаменитая Киево-Могилянская коллегия, Московская Славяно-греко-латинская академия и ещё несколько небольших школ в разных городах. Обучение в этих школах, даже если они именовались академиями, начиналось с элементарного обучения грамоте и заканчивалось богословием, то есть не было разделения всего курса на ступени начального, среднего и высшего образования. Образование не было обязательным и тем более всеобщим, даже для духовенства. Традиционно предполагалось, что сын священника или диакона как-нибудь усвоит умение читать и писать от своего родителя и будет в состоянии «справлять службу». Но при таком состоянии духовного образования, по горькому и резкому замечанию Петра Васильевича Знаменского, при возникшей в XVII в. нужде церковных исправлений «обнаружилось, что сами представители духовенства не знают „ни православия, ни кривославия“» [4, с. 335].

Историография проблемы предоставляет нам обильный материал, показывающий состояние духовно-религиозного образования в России в допетровские времена. К этой теме обращались многие видные историки Церкви, среди которых особую роль играют работы В. О. Ключевского, П. В. Знаменского, А. В. Карташева, Н. Д. Тальберга, А. П. Доброклонского и др. Общей мыслью этих авторов является представление о бедственном и недостаточном характере духовного образования, до XVIII в. не носившего систематического характера. Отмечается также противоречивость греческого и латинского влияний в тенденциях его развития [5, с. 246]. Работы же, рассматривающие период истории с начала XVIII в. и посвящённые теме петровских преобразований, видимо ввиду грандиозности самих этих преобразований и многоплановости синодальной церковной реформы, оставляют несколько в тени тему образовательного проекта епископа Феофана. В научных статьях и монографиях таких современных авторов, как протоиерей Владислав Цыпин, О. А. Крашенинникова, В. Г. Смирнов, М. А. Корзо, О. В. Несмиянова, П. Е. Бухаркин, А. Б. Григорьев, Н. П. Гречишникова, посвящённых синодальной реформе и деятельности епископа Феофана, как правило, глубоко прорабатываются вопросы сути и направленности этой реформы, характера богословских взглядов самого епископа Феофана, фактической стороны осуществления реформы, но материал этих работ может быть дополнен более детальной проработкой темы становления массовой духовной школы в России.

В предлагаемой статье делается попытка обращения к документу той эпохи – «Духовному регламенту» именно с целью показать проект

становления и развития системы духовно-религиозного образования в России, разработанный и обоснованный епископом Псковским Феофаном, в чём видится некоторая научная новизна исследования. Основная мысль заключается в том, что, на наш взгляд, до начала синодальной церковной реформы в России отсутствовала система духовно-религиозного образования и её становление началось именно в ходе петровской церковной реформы, идейным вдохновителем которой стал епископ Псковский Феофан (Прокопович).

До начала петровской церковной реформы в нашей стране не было настоящей упорядоченной системы духовного образования, если под этой системой понимать развитую и охватывающую всю страну сеть духовных школ, единообразно устроенных, придерживающихся общего состава и содержания учебных дисциплин, использующих общие учебники и программы обучения и воспитания. Такими духовными школами явились школы при архиерейских домах, массово и в обязательном порядке заведённые в ходе проведения синодальной церковной реформы по личному указу царя Петра I и по проекту, разработанному епископом Псковским Феофаном (Прокоповичем).

Основным документом, заложившим основы становления системы духовного образования в России, стал «Духовный регламент» царя Петра I. Он был написан по личному повелению государя епископом Псковским Феофаном (Прокоповичем) в 1719 – начале 1720 гг. Текст был готов к февралю 1720 г., зачитан царю, сенаторам и архиереям и одобрен с минимальными поправками. По сути – это проект учреждения и деятельности Духовной коллегии, но этот регламент является не строгим сухим циркуляром, содержащим предначертание структуры и функций создаваемого учреждения и включающий совокупность должностных инструкций, а настоящим полемическим агитационным произведением [5, с. 347], призванным показать бедственное состояние духовно-религиозной жизни в стране и убедить всех, в том числе и ретроградов-оппонентов, в необходимости и благотворности предстоящих преобразований в этой сфере.

Содержание «Духовного регламента» среди прочих моментов включает в себя обоснование и руководящие идеи устройства и развития духовного образования. Эти идеи и замыслы достаточно разноплановы.

Во-первых, обращает на себя внимание само обоснование необходимости духовного просвещения. Современным людям вряд ли придёт в голову мысль о необходимости убеждения кого-либо, кроме детей, в самой необходимости науки и образования. Но так как этот текст содержит такое

обоснование, то можно заключить, что для его автора и предполагаемых читателей существенно важно было согласие с самой по себе идеей необходимости и благотворности духовного просвещения.

Для нас – современных читателей, мировоззрение и жизненная позиция которых сформированы в рационалистической культуре современного общества, где действует закон об обязательности основного общего образования, кажется само собой разумеющимся, обязательным и обыденным получение образования, и нам представляется странным и излишним убеждать людей в его необходимости и благотворности. Но адекватно понять материалы рассматриваемого исторического документа можно лишь с учётом господствующих мнений, стереотипов и предубеждений социокультурного контекста его появления, ведь «история творится в контексте и творит контекст» [2, с. 86].

Как отмечает В. О. Ключевский, среди значительной части русского православного общества XVII в. бытовало боязливое, подозрительное и даже враждебное отношение к науке и образованию. Это объясняется тем, что наука ассоциировалась с лжеименным мудрованием латинского и лютеранского Запада, порождающим пагубные ереси. Так, в одном древнерусском поучении сказано: «Богомерзостен пред Богом всякий, кто любит геометрию; а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам; по своему разуму верующий легко впадает в различные заблуждения; люби простоту больше мудрости, не изыскуй того, что выше тебя, не испытай того, что глубже тебя, а какое дано тебе от Бога готовое учение, то и держи» [6, с. 453]. В. О. Ключевский приводит также и подобное наставление из школьных прописей: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читых, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов» [6, с. 453].

Начавшееся в XVII в. проникновение в русскую культуру латинского влияния консервативно настроенные русские книжники – ревнители «древлего благочестия» встречали враждебно. Отечественное религиозное самомнение, сложившееся в XV–XVI вв., в силу объективных исторических процессов полагало, что «русская поместная Церковь обладает всей полнотой христианского вселенского сознания, что русское церковное общество уже восприняло всё, что нужно для спасения верующего, и ему нечему больше учиться, нечего и не у кого больше заимствовать в делах веры, а остаётся только бережно хранить воспринятое сокровище. Тогда на место вселенского сознания мерилom христианской истины стала национальная церковная

старина» [6, с. 452]. На Руси было принято за правило, что подобает верить и молиться, как веровали и молились отцы и деды, а потомкам остаётся только лишь хранить без размышления дедовское и отцовское предание. В таких условиях невозможно обнаружение, понимание и исправление ошибок и заблуждений.

В заочной полемике с подобными мнениями епископ Феофан в «Духовном регламенте» заявляет, что «когда нет света учения, не лъзя быть доброму Церкви поведению, не лъзя быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересем» [1]. Целая страница документа посвящена обоснованию мысли, что не изобилие, а наоборот скудость знания и недостаток учения, вкупе с гордыней, были причинами появления ересей. Аргументация автора строится на основании многочисленных исторических примеров. Весомым аргументом в защиту просвещения служит и приводимый епископом пример великих вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, которые сами много учились «не токмо Священного Писания, но и внешней Философии» [1]. Наперекор самодовольному убеждению ретроградов в самодостаточности своих познаний автор «Духовного регламента» говорит, что «просвещенный человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не престанет никогда же учиться, хотя бы он и Мафусалев век пережил» [1]. В разделе документа, посвящённом устройению «домов училищных», всему изложению проекта устройства духовного образования предпосылаются слова о том, что «учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и Церкви, аки корень, и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное» [1].

Второй предмет нашего рассмотрения – это сам проект, его содержание. Проект развития духовного образования предписывал каждому архиерею завести во вверенной ему епархии «в доме или при доме своём» духовное училище – «академию», как тогда называли. Эта норма теперь становилась правилом. Заведение при собственном доме и содержание такой школы становилось обязанностью епископа. Епископ должен был содержать школу за счёт отчислений с местных монастырей: «от знатнейших в епархии монастырей брать всякого хлеба двадцатую долю, да от земель Церковных, где суть, всякаго же хлеба брать тридцатую долю» [1]. Все сыновья священников и диаконов согласно Регламенту теперь обязаны были учиться. Причём первоначально предполагалось, что кроме детей духовенства в этих школах могут учиться и дети «градских лучших приказных людей».

Реализация задуманного показала, что большинство школ в первые десятилетия своего существования пребывали в крайне бедственном состоянии – не хватало не то что способных учителей и учебных пособий, но даже пищи и одежды как для воспитанников, так и для преподавателей. Такая нищета, вкупе с казарменной несвободой учащихся и суровой дисциплиной, подкрепляемой телесными наказаниями, были причинами попыток уклониться от учёбы в этих семинариях. Однако уклонение от учёбы грозило рекрутчиной и отправкой на военную службу, что для заботливых родителей было равносильно смерти своего чада. Борясь с переизбытком взрослых сыновей духовенства, число которых значительно превышало число храмов и действующих приходов, правительство в условиях крепостнических порядков и частых внешних войн стало время от времени, в зависимости от надобности, прибегать к «разборам духовенства», то есть к переводу таких сыновей либо в податные сословия, либо записью на военную службу в качестве рядовых [9, с. 89].

Согласно Регламенту епископ не мог теперь рукополагать и ставить на приход человека, не прошедшего курса обучения, при наличии выпускника этих вновь заведённых школ: «есть ли Епископ неученаго во оной школе человека поставит в священники, или в монашеский степень, минув ученаго, и без вины правильной; то подлежит наказанию» [1]. В другом месте Регламента также сказано, что «всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый во Академии, и от Академии свидетельствованный, того на степень духовныя или гражданския чести не может упредить неученый с великим штрафом на власти оныя, которыя бы инако сделали» [1]. Представляется, что уже одна только эта суровая административная мера коренным образом положительно меняла всю ситуацию с развитием образования в стране.

Школе определялось быть не в городе и не в шумном и весёлом месте, но в тишине и отдалении, чтобы не было помех учёбе и «похищения мысли» молодых людей. При школе предполагалось строить «дом, образом монастыря» для постоянного и неотлучного пребывания обучающихся. Воспитанникам предписывался строгий режим, с установленным временем учёбы, сна, молитвы, отдыха, с церковными службами, прогулками, работой и «честными играми» на свежем воздухе. Складная кровать ученика утром должна была убираться, и место сна превращалось в учебное место, «чтоб в день логовища знать не было» [1]. За трапезой предписывалось чтение военной и церковной истории, повестей о мужах, во учении просиявших, о церковных великих учителях, о знаменитых философах, астрономах,

риторах, историках и прочее. За поведением учащихся, чтобы не было ссор, сквернословия и драк, и всё было чинно и по распорядку, постоянно должен был наблюдать «префект или надсмотрщик». Без его благословения семинарист никуда не должен выходить из своей «избы», а исходя, каждый обязан докладывать, куда идёт и зачем. Предполагалось первые три года воспитанника вообще никуда не выпускать из школы, чтобы он «приобьёк», а в последующие годы – отпускать домой к родителям не более, чем на неделю дважды в год, да и то, с надёжным сопровождающим человеком. Таким образом, дисциплина и порядки жизни и воспитания действительно напоминали монастырские. Однако, несмотря на всю важность этих мер, они создавали внешние условия религиозного просвещения и воспитания.

Центральной частью проекта развития духовного образования было определение самого содержания этого образования. Так, «Духовный регламент» определяет набор и последовательность учебных предметов:

1. Грамматика купно с Географиею и Историею.
  2. Арифметика с Геометриею.
  3. Логика или Диалектика, и едино то двоименное учение.
  4. Риторика купно или раздельно с стихотворным учением.
  5. Физика, присовокупя краткую Метафизику.
  6. Политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть, и может она присовокупитися к Диалектике.
  7. Богословия. Первые шесть по году возмуть, а Богословия два года.
- <...> Язык Греческий и Еврейский (естли будут учителя) между иными учении себе время примут [1]. Основным учебным языком вновь заводимых школ по традиции того времени становился латинский.

Таким набором учебных предметов, классическим для западноевропейских школ того времени, решался спор с ревнителями «древлего благочестия» о содержании образования и отношении к наукам и философии. Уже из этого перечня учебных предметов явствует наметившееся совмещение религиозно-богословского образования с научным, и, так сказать, светским. Епископ Феофан – человек широких, смелых и прогрессивных взглядов, человек ясного, бодрого и сильного ума, был глубоко убеждён в необходимости и благотворности развития научного, философского и богословского знания и, будучи настоящим борцом, пошёл наперекор обскурантизму, лени и фанатичной узости мышления многих современников, чем, конечно, возбудил против себя злобу, доносы и клевету.

Поэтому, говоря о его вкладе в развитие духовного образования в нашей стране, следует отметить, что этот выдающийся и опередивший

свое время человек пошёл против традиционных настроений и стереотипов, его деятельность проходила подчас в жестокой борьбе, этот его вклад был не благодушным и всеми одобряемым делом, за что бы сейчас присудили звание «почётного работника просвещения», а экстраординарным и болезненным изменением социальной реальности той эпохи.

Среди обвинений, выдвинутых личными врагами епископа и противниками его реформаторского курса, было уличение его религиозных и богословских взглядов в близости протестантизму [7, с. 16–17]. На допросах и очных ставках епископ Феофан всякий раз блестяще оправдывался от таких обвинений, показывая их ложность [8, с. 191]. Общеизвестно, что одной из характерных особенностей протестантских конфессиональных воззрений является отвержение Священного Предания и признание только Священного Писания. Однако прочтение «Духовного регламента» убеждает в том, что в этом аспекте религиозные взгляды епископа Феофана носили вполне православный характер, ибо во многих местах следуют ссылки на постановления Вселенских и поместных соборов Церкви и творения святых отцов, а учителям и ученикам духовных школ предписывается изучение их творений.

Содержание богословского образования по наставлению епископа Феофана обязательно должно включать в себя кроме изучения самого Священного Писания также и правила, установленные на Вселенских и поместных церковных соборах, и творения святых отцов. В качестве рекомендуемого чтения епископ называет сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Афанасия Великого, Кирилла Александрийского и других святых отцов. По мнению епископа Феофана, от иноземных, то есть протестантских, учителей поучиться можно, но не самому Богословию, а их учебной методике, филологическому и историческому анализу и трактовке религиозных текстов: «может Богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать; но должен не учиться от них и полагаться на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от Писания и от древних учителей доводов употребляют» [1].

Обучение предполагалось разнообразить и дополнять диспутами, комедиями, риторскими упражнениями, освоением музыкальных инструментов, плаванием на судах, геометрическими и астрономическими измерениями, практикой строительства крепостей, физическими упражнениями на свежем воздухе и т. п. средствами общего развития и борьбы с унынием.

Епископ Феофан предписывал, что «при школах надлежит быть библиотеке довольной. Ибо без библиотеки, как без души Академии» [1].

Учителям во всякие часы был открыт доступ в библиотеку, а ученикам и «прочим охотникам» – в назначенные дни и часы. Известно, что библиотека самого епископа Феофана – самая богатая в России того времени, всегда была открыта для студентов и преподавателей, равно как и для приезжих учёных из других стран. Заведённая лично им школа на Карповке в столице была лучшей российской школой того времени, с самым блестящим составом преподавателей и самой передовой методикой преподавания.

Говоря о вкладе епископа Феофана (Прокоповича) в становление и развитие духовно-религиозного образования в России, обязательно следует отметить личную преподавательскую и руководящую деятельность епископа как в Киево-Могилянской академии, где он был преподавателем и ректором, так и в основанных им школах в ходе проведения церковной реформы. Вернувшись после учёбы из-за границы, Феофан Прокопович с 1704 г. преподавал в Киевской академии пиитику, в последующие годы – риторику, потом философию, и, наконец, богословие. Его лекции по философии включали в себя сведения по астрономии и вообще естествознанию. Выдающийся биограф епископа Феофана Виктор Григорьевич Смирнов пишет, что «на свои лекции Феофан приходил навьюченный хитроумными приборами и препаратами, с неизменным глобусом в руке. <...> Лекции перемежались опытами. Студенты усердно толкли в ступках минералы, с любопытством наблюдали в микроскоп за простейшими организмами, мерили атмосферное давление, учились пользоваться компасом и астролябией. Иногда Феофан проводил занятия под открытым небом. На монастырском погосте он объяснял нескончаемую цепь природных превращений» [8, с. 42–43].

С 1707 г. он стал префектом академии, а с 1711 г. назначен её ректором. Административный талант, ясный ум и хозяйственная смекалка вывели академию из полуголодного прозябания. При этом, несмотря на хозяйственные заботы, будущий архипастырь не оставил науку. «На годы ректорства пришёлся расцвет его учёной карьеры, причём на новом для него богословском поприще» [8, с. 50]. Именно в это время он пишет свои знаменитые лекции по богословию. Они по сути являются главным богословским и научно-преподавательским произведением епископа Феофана. Но кроме этого объёмного сочинения его перу принадлежат десятки других богословских, церковно-исторических, научных, политико-идеологических и публицистических работ, сыгравших большую роль в умонастроении и формировании мировоззрения образованной части русского общества XVIII в.

Подводя итоги, мы отмечаем, что замыслами и трудами епископа Феофана была создана целая система духовно-религиозного образования

в России, в каждой епархии были открыты школы при архиерейских домах, составлена на основе богословских трудов и светских наук единая программа учебно-педагогической деятельности для них, разработана законодательная база для развития и укоренения образования, написаны десятки работ и многие годы осуществлялось личное преподавательское и административное служение епископа Феофана. Таким образом, теоретическая и практическая деятельность епископа Феофана (Прокоповича), стоявшего у истоков российского Просвещения, оказала значительное влияние на становление и развитие системы духовно-религиозного образования в России.

Источники и литература

1. Духовный регламент Петра I 1721 года // Монастырский хронограф : сайт синодального отдела по делам монастырей и монашества Белорусского Экзархата московского Патриархата. URL : http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl/ (дата обращения: 10.08.2021).
2. Верле А. В. Пространство прошлого: ритм – контекст – событие // Модусы времени: социально-философский анализ. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 229 с.
3. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2009. 936 с.
4. Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Минск : Белорусский Экзархат, Харвест, 2005. 575 с.
5. Карташев А. В. Собрание сочинений: в 2 т. Том 2: Очерки по истории Русской Церкви. М. : Терра, 1992. 569 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга II. Минск : Харвест, 2007. 592 с.
7. Крашенинникова О. А. «Индекс отреченных книг» архимандрита Маркелла Родышевского (к истории духовной цензуры в России) // Два века русской классики. 2019. Том 1. № 1. С. 8–33.
8. Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М. : Соратник, 1994. 224 с.
9. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.

D. A. Shcherbakov

**CONTRIBUTION OF BISHOP
THEOPHAN (PROKOPOVICH) OF PSKOV TO THE FORMATION
AND DEVELOPMENT OF SPIRITUAL EDUCATION
IN RUSSIA**

Abstract: The article deals with the formation and development of spiritual education in Russia during the reforms of Peter the Great. The author believes that before the beginning of the synodal church reform, there was no system of spiritual and religious education in Russia and its formation began precisely during the Peter the Great church reform, the ideological inspiration of which was bishop Theophan (Prokopovich) of Pskov. The scientific novelty of the study is seen in determining the role of bishop Theophan (Prokopovich) of Pskov in creating a system of spiritual and religious education based on the analysis of the text of the “Spiritual Regulations” of 1721, as a draft of the device of this system, the author of which was Bishop Theophan. This goal was achieved as a result of using the content analysis method, which made it possible to present the “Spiritual Regulations” as a historical document. The historical and hermeneutic method made it possible to identify the features of the content of the text of the “Spiritual Regulations” and to present bishop Theophan as a defender of the ideas of Enlightenment. The main conclusion of the author is the statement about the undoubtedly great contribution of bishop Theophan Prokopovich to the creation of an integral system of spiritual and religious education in Russia, which was manifested in the bishop’s initiative to open schools at diocesan episcopal houses, in drawing up a unified program of educational and pedagogical activities for them, developing a legislative framework for the development and rooting of Russian education, as well as in the personal teaching and administrative ministry of bishop Theophan.

Key words: Bishop of Pskov Theophan (Prokopovich), spiritual enlightenment, Spiritual regulations, Church, development of spiritual education in Russia.

References

1. Duhovnyj reglament Petra I 1721 goda [The Spiritual regulations of Peter I of 1721]. [Electronic resource]. Mode of access: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl (accessed: 10.08.2021). In Russian.

2. Verle A.V. Prostranstvo proshlogo: ritm – kontekst – sobytie [The space of the past: rhythm – context – event]. In *Modusy vremeni: social'no-filosofskij analiz* [Modes of time: socio-philosophical analysis]. St. Petersburg, 2005, 229 p. In Russian.
3. Dobroklonsky A. P. Rukovodstvo po istorii Russkoj Cerkvi [Guide to the history of the Russian Church]. Moscow, 2009, 936 p. In Russian.
4. Znamensky P. V. Rukovodstvo k russkoj cerkovnoj istorii [A guide to Russian Church history]. Minsk, 2005, 575 p. In Russian.
5. Kartashev A.V. Sobranie sochinenij: v 2 t. Tom 2: Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi [Collected works: in 2 vols. Volume 2: Essays on the history of the Russian Church]. Moscow, 1992, 569 p. In Russian.
6. Klyuchevsky V.O. Russkaja istorija. Polnyj kurs lekcij. Kniga II [Russian history. A full course of lectures. Book 2]. Minsk, 2007, 592 p. In Russian.
7. Krashennnikova O. A. «Indeks otrechennyh knig» arhimandrita Markella Rodyshevskogo (k istorii duhovnoj cenzury v Rossii) [“Index of the abnegated books” by Archimandrite Markell Rodyshevsky (on the history of spiritual censorship in Russia)]. In *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of Russian classics]. 2019. Volume 1. No. 1, pp. 8–33. In Russian.
8. Smirnov V. G. Feofan Prokopovich [Theophan Prokopovich]. Moscow, 1994, 224 p. In Russian.
9. Tsy-pin V., prot. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: Sinodal'nyj i novejsij periody [The History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Modern Periods]. Moscow, 2010, 816 p. In Russian.